

Суббота. Пять утра. Белые высокие дома, ярко освещённые солнцем, стоят вдоль дорог, похожие на гигантские лайнеры, пришвартованные у причала. От крыши к крыше тянутся провода, перечёркивая небо. Между ними в мерцающем полёте трепещут хрупкие ласточки. Выше носятся сумасшедшие стрижи. Воздух вибрирует от их отчаянных криков. Минут через десять должен подойти первый автобус. По проезжей части шкандыляет туда-сюда престарелая дама. Она пытается согнать с середины дороги молодого, придурковатого голубя, на моих глазах уже попавшего пару раз под колеса. В конце концов, из-за непредсказуемости их движений, три грузовика чуть ли не сталкиваются, и водилы, ещё соловые, но уже перепуганные вусмерть, орут из кабин, в воздухе висит мат-перемат.

— Может, он больной! — виновато оправдывается дама.

Она, наконец, вытолкнула подранка на тротуар и усаживается рядом со мной, светясь от счастья. Водилы, матюгаясь, разрулили и разъехались в разные стороны.

— Чо-то давно тараканов не видно, — сказала дама. — обожрались, поди!

Я кивнула в ответ. Тараканы, действительно, давно уже не встречались. Но мысль, что они могли вывестись от обжорства, как-то не приходила мне в голову.

— О! Гляньте-ка! Вот и они! — проворковала тетка и заулыбалась ещё шире.

Слева к остановке подползали два мужика, действительно, очень похожие на тараканов. Один красный, другой рыжий. Усы их были всклокоче-

ны, лапки подрагивали, а разговаривали они, сипя и хрипя, как бойлеры, из которых выпарилась вся жидкость.

— Банк... где? — каждый из них смог выдать только по одному слову.

— Тама! И — тама! — Тётка показала два разных направления. Тараканы топорщили и поводили усами, как антеннами, с тоской измеряя пространство, которое необходимо преодолеть.

— Одинаково! Отсюда до банкоматов, а от них до пивной! — сжалась, подсказала им баба.

Тараканы медленно, плечом к плечу, двинули к цели. Тётка покопошилась в хозяйственной сумке и, выудив кусок булки, стала крошить его перед раненным голубем, но тому, видно, было не до еды. Зато с карнизов и крыш окрестных домов начали пикировать его дальнзоркие сородичи. Женщина щедро раздавала хлеб голубям, по-детски лопотала, радуясь, что птиц слетается всё больше и больше. В месте, куда падал очередной кусок, происходило столпотворение. Тот, кому удавалось ухватить пай, подкидывал его вверх, пытаясь проглотить целиком, терял; тут находился следующий везунчик, хлеб снова подкидывался вверх, падал какому-нибудь бедолаге на спину, и тогда на него залезали наглые сородичи и клевали, клевали, куда ни попадя. Остальная периферия тупо, почти механически долбила клювами асфальт. За всем этим гулением, сопением и воркованием слышалось отчётливое и заинтересованное чириканье. В момент, когда тетка ещё раз бросила в голубей куском булки, что-то маленькое на бреющем полёте просвистело над согбенными спинами голубей и исчезло вместе с едой.

— От, воробей! От, еврей! — выкрикнула баба и расхохоталась.

Голуби, вытянув вверх шеи, смотрели недоумённо то друг на друга, то на расшумевшуюся тётку. К этому времени к нам подошли ещё два аборигена с ведрами и таяками. Поздоровались.

— Доброе утречко, Марфа!

— Добре-дobre... На огороде едете, никак?

— Да, совсем кроты заели, весь лук перекопали... — Мужики как-то хитро переглянулись между собой и спросили:

— А у тебя, Марфа, кроты есть?

— Как же! Вчерась во-от такого вытащила из норы!

Чтобы показать — какого, Марфа раздвинула колени и сунула между ними руки. Глаза у мужиков разбежались, как у водомерок. Глядя Марфе между ног, один из них спросил:

— А усы, усы у него были?

— Ещё бы! Во какие усищи! — растопырив толстые пятерни, бойко ответила та.

— Марфа, а Марфа! А зубы у него были?! — чуть не задыхаясь, прохрипел другой.

— Были-были. Воот такие зубищи! И шнапак розовый, мокрый... — просюсюкала Марфа, показывая мужикам фигу между ног.

Она говорила про слепенькие малюсенькие глазки, острые когти и что-то ещё, когда подошёл мой автобус. Сквозь шинение открывающихся дверей было слышно, что и про крота она, в конце концов, шлёпнула: "...еврей!"

ЭХ-МА!

Две пенсионерки едут в автобусе на Перепечинское кладбище. Обе нарядно одетые. Натруженными руками заботливо ограждают метёлки искусственных цветов от давки и суетолюки. Одна из них, та, что чуть помоложе и потучнее, в прошлые воскресенья побывала на двух других захоронениях и теперь делилась впечатлениями:

— На Троекуровском-то — красотища! Всё убрано, ухожено. Памятники мраморные да бронзовые! Куда — нам-то!

В её голосе чувствовались горечь и ревность. Она ездила на могилу своего мужа, но рядом с ним лежала его прежняя жена, подруга её детства и молодости, так что ухаживать приходилось за обоими. Ей тоже хотелось бы

попасть на Троекуровское, но она понимала, что вряд ли такое случится. Там хоронили известных людей, актёров или крупных чинов, или таких, как её скончавшийся муж-полковник. Кто и в какую землю положит её?

Женщина придиричиво огляделась. Другие пассажиры — тоже с цветами, тоже нарядно одеты... “Но без хозяйственных сумок, как у нас”, — мысленно заметила она. Из сумок торчали бутылки для воды, тяпки и грабельки, обёрнутые ветошкой. Кроме того, оттуда попахивало керосином. Тётушки ехали полоть сорняки и жечь муравьиные кладки, а женщины с мужиками — положить цветочки, вышить по рюмашечке за упокой и упорхнуть, шатаясь на каблучках.

Могилку искали долго. Подошёл один из рабочих кладбища в голубом комбинезоне:

— Что, могилу потеряли?!

— Нашла! Здесь! — отозвалась та, что до сих пор не проронила ни слова. Над высокой травой едва виднелась её белая, ничем не покрытая шеволюра.

— Так. Навести порядок, — несколько приказным тоном сказал рабочий и удалился, улыбаясь, довольный собой.

За работу взялись, по обыкновению, изредка переговариваясь:

— На муравьёв напоролась... Кусаются!

— Передай скребок, мох надо поскоблить!

Скребок использовали табличку с могильным номером, так и оставшуюся торчать между плитками. Потом помыли камень с портретом красивой печальной женщины. Судя по датам, покойница ушла в мир иной, не достигнув и сорока, оставив безутешными мать, сестёр и дочь. В жёлтую глинистую иссушенную, как кожа мумии, землю повставляли искусственные цветы, по большей части белые лилии, сакуру, букет абрикосового цвета роз, пучки то ли гиацинтов, то ли акации — все бледно-розовые... Могила стала похожа на невесту.

Тётки, вспотевшие, усталые, с трудом разогнули спины. Попили воды. Остатками вымыли запачканные руки и лица. Постояли молча, оглядывая проделанную работу сухими, угасающими очами. Они не молились. Одна — потому, что ряно следовала каким-то строгим канонам Православия и считала покойницу грешницей. Другая — несла свой крест молча. Она ничего не спрашивала ни у Бога, ни у чёрта. Атеизм её несколько порассеялся за последние двадцать лет, но вера в загробную жизнь никак не хотела поселиться на освободившемся пространстве. Сознание её походило на могилу. Искусственные цветы не пускали корней, но и не увядали, по крайней мере, до следующего визита.

— Теперь возмутся за нас! — услышала она голос своей спутницы, выходя из некоторого затмения. — Министр сказал, что нас, пенсионеров, слишком много!

Потирая отёкшие от работы и искусанные насекомыми ноги и руки, они, оказывается, медленно текли по дороге к остановке. В ожидании рейса ознакомились со стоимостью памятников... Самый дешёвый обошёлся бы втрое больше их пенсии, да место, да оградка, да похоронные услуги с отпеванием и прочим, что положено...

“Надо детям оставшимся сказать, чтоб меня сожгли и прах развеяли. И никаких могил! — думала женщина, избегая оглашать эту мысль своей подруге, которая кремацию считала грехом, видимо, посмертным. — Ещё взъестся на меня!”

Солнце всё быстрее катилось на запад, когда загрузились в автобус. На полпути мотор его загорелся, и тётушки, простояв на остановке без малого сорок минут, пересели в другой, потом ещё в другой, затем в метро, а потом ещё в шумно стучащий трамвай... Разошлись по домам затемно, в четыре с половиной часа преодолев путь, проделанный ими утром за полтора.

Как на кладбище — так бегом!

А как с кладбища — волоком...